

ЛЕОН МОНТАН

ЛИЦЕНЗИЯ
НА ВРЕДНОСТЬ
И НЕМНОГО МАГИИ

Леон Монтан

Лицензия на вредность

<https://litres.ru/74583894>

Аннотация

Что делать, если ты — худшая студентка академии, а твою пятнадцатую пересдачу пришел принимать лично ректор? Гроза всех адептов, магистр тёмных искусств и просто невыносимый сухарь лорд Дориан Блэквуд. Главное — не паниковать и не перепутать руны в котелке!

А если всё-таки перепутала? Поздравляю! Теперь на мрачном ректоре висит древнее проклятие «абсолютной покладистости». Он скрипит зубами, мечет молнии глазами, но вынужден выполнять любые мои приказы. Отменить сессию для всего потока? Пожалуйста! Отдать фамильную драгоценность? Легко!

Только у проклятия оказался один ма-а-аленький побочный эффект: мы привязаны друг к другу магической пуповиной. Стоит мне отойти от ректора дальше, чем на пятьдесят метров, как нас скручивает болью, а вокруг начинается стихийный хаос.

Теперь мне придется переехать в его мрачные холостяцкие покои со своими розовыми подушками. А чтобы скрыть нашу «магическую связь» — притворяться его верной ассистенткой.

Осталось только найти контрзаклятие... И самое главное — как-то умудриться не влюбиться в этого тирана по-настоящему.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА МОЮ СТРАНИЦУ

Содержание

Глава 1. Как завалить экзамен и ректора заодно	4
Глава 2. Сила волшебного слова «Да»	17
Глава 3. Добро пожаловать в логово сухаря	27
Глава 4. Ассистент-недоучка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Как завалить экзамен и ректора заодно

Пятнадцать — число, безусловно, красивое. В пятнадцать лет девушки впервые по-настоящему влюбляются. Пятнадцатого числа каждого месяца в империи выдают стипендию. А ещё именно пятнадцать раз можно попытаться сдать один и тот же экзамен по высшим трансмутациям, прежде чем твое личное дело навсегда превратится в подставку под кофе в ректорате.

Я стояла перед массивными дубовыми дверями лаборатории №4 и мрачно ковыряла носком туфли каменный пол. За дверью меня ждал профессор Крамп — человек, чья нервная система была разрушена моими предыдущими четырнадцатью попытками.

— Ну же, Лисандра, соберись, — пробормотала я себе под нос, попоправляя съехавшую набок мантию. На ней, к слову, красовалось пятно от утреннего кофе, но вряд ли это могло ухудшить мою репутацию. Моя репутация и так покоилась где-то на дне преисподней.

Я толкнула тяжелые створки. Они поддались с противным, зловещим скрипом, словно предупреждая: «Оставь надежду, всяк сюда входящий, особенно если твой средний балл ниже двойки».

В лаборатории пахло озоном, жженой шерстью и чужим отчаянием. Профессор Крамп, маленький пухлый старичок с вечно всклокоченными седыми волосами, мерил шагами пространство между столами. Его правый глаз дергался в такт тиканью огромных настенных часов.

— Адептка Лисандра! — взвизгнул он, заметив меня. — Вы опоздали на целых три минуты! Моя нервная система не казенная, чтобы выдерживать такое ожидание!

— Профессор, ну простите, Пивз на лестнице опять перепутал ступени... — начала было я свою дежурную отмазку, но слова застряли в горле.

Я поняла, что в лаборатории мы не одни.

У окна, скрестив руки на груди, возвышалась фигура, от одного вида которой у половины академии начиналась нервная икота, а у второй половины — непроизвольное слюноотделение. Лорд Дориан Блэквуд. Магистр темных искусств, потомственный аристократ, тиран, деспот и, по совместительству, ректор нашей академии.

Он был одет в безупречный, идеально скроенный черный сюртук, который подчеркивал широкие плечи и хищную грацию. Его темные волосы были зачесаны назад с легкой, но строгой небрежностью, а глаза... О, эти глаза цвета стылого зимнего неба могли заморозить заживо. Сейчас они смотрели прямо на меня. С таким выражением, будто я была нерадивой букашкой, посмевавшей ползать по его идеальному паркету.

— Пивз? В нашей академии нет полтергейста по имени Пивз, адептка Лисандра. Вы перепутали миры, — голос Блэквуда был глубоким, бархатистым и таким холодным, что у меня по спине пробежал табун мурашек размером с гиппогрифа. — Или, что более вероятно, вы снова лжете.

Я сглотнула.

— Оговорка от волнения, лорд-ректор. Рада видеть вас на моей скромном пересдаче.

— Поверьте, адептка, радость не взаимна, — Блэквуд медленно отлепился от подоконника и шагнул ко мне. — Профессор Крамп подал прошение об уходе на пенсию. Досрочно, с выплатой компенсации за моральный ущерб. И всё это после вашей четырнадцатой попытки трансмутировать свинец в золото, которая закончилась тем, что вы превратили его лабораторный журнал в агрессивную капибару.

Крамп на заднем фоне жалобно всхлипнул.

— Она пыталась отгрызть мне ногу!

— Я не специально! — возмутилась я. — Просто руна Феку легла немного криво...

— У вас всё ложится криво, Лисандра, — отрезал Блэквуд, останавливаясь в паре шагов от меня. От него пахло розной свежестью, дорогим парфюмом и властью. — Ваше личное дело — это не документ, это хроника катастроф. И сегодня я здесь для того, чтобы лично убедиться: вы незна-

дежны. Если вы провалите этот экзамен, я подпишу приказ о вашем отчислении. Без права восстановления.

Моё сердце ухнуло куда-то в район желудка и там сжалось в панический комок. Отчисление? Только не это! Если меня вышвырнут из академии, тётушка Марта сживёт меня со свету, заставит выйти замуж за троюродного кузена-бухгалтера и до конца дней я буду варить борщи вместо зелий!

— Я не провалюсь, — процедила я, вздернув подбородок. — Давайте ваше задание.

Блэквуд изогнул идеальную черную бровь. На его губах скользнула высокомерная усмешка, от которой захотелось немедленно заехать ему чем-нибудь тяжелым по идеальным скулам. Желательно томом по высшей некромантии — он самый толстый.

— Какая самоуверенность. Что ж, никакого золота, адептка. Это слишком сложно для вашего разума. Ваша задача — сварить зелье стабилизации эмоций и закрепить его рунным контуром покоя на дне котла. Ингредиенты на столе. У вас тридцать минут. Время пошло.

Я метнулась к рабочему столу. Так, зелье стабилизации. Корень валерианы магической, толченный рог лунного зайца, слеза горгульи (где они ее берут вообще?) и основа из дистиллированной воды. Вроде бы ничего сложного. Главное — не перепутать пропорции и правильно начертить руну.

Я зажгла магическую горелку, поставила котёл и принялась шинковать корень. Руки предательски дрожали. Тика-

ные часов эхом отдавалось в черепе, а ещё больше давило присутствие ректора.

Блэквуд не остался стоять у окна. О нет, этот инквизитор в идеальном костюме подошёл прямо ко мне и встал за спиной. Я кожей чувствовала его взгляд, прожигающий дыру между моих лопаток.

— Вы держите нож так, словно собираетесь убить этот корень, а не измельчить его, — раздался над ухом его ледяной голос.

Я стиснула зубы. — Я применяю авторскую методику нарезки, лорд-ректор.

— Ваша авторская методика приведет к тому, что зелье взорвется. Рог лунного зайца добавляется после закипания, а не до, Лисандра.

— Я знаю! Я просто приготовила его заранее!

— И рассыпали половину на стол. Какая потрясающая экономия редких ингредиентов.

Он стоял слишком близко. Его аура подавляла, заставляла нервничать ещё сильнее. Я забросила корень в воду, подождала, пока она булькнет, и сыпанула порошок из рога. Вода поменяла цвет с прозрачного на нежно-голубой. Отлично! Пока всё идет по плану.

— А теперь слеза горгульи, — прошептала я, открывая крошечный флакон.

Три капли. Раз. Два...

— Вы дышите слишком часто, адептка. Это влияет на тем-

пературу зелья, — снова вмешался Блэквуд своим бархатым издевательским тоном.

Моя рука дрогнула. Третья капля плюхнулась в котёл вместе с четвёртой и, кажется, пятой. Голубая жидкость угрожающе зашипела и начала приобретать тревожный фиолетовый оттенок.

— Проклятье! — пискнула я, хватая мелок из лунной пыли. — Контур! Быстрее!

Мне нужно было начертить руну покоя на каменной подставке прямо под раскаленным дном котла, чтобы стабилизировать реакцию. Я наклонилась, судорожно выводя линии. Нервы были на пределе. Сзади тихо, но отчетливо хмыкнул ректор — звук, полный абсолютного презрения к моим умственным способностям.

Злость вспыхнула во мне, как сухой мох от искры. Да что он о себе возомнил?! Стоит тут, идеальный, холодный, издевается над бедной студенткой! Ненавижу!

В состоянии аффекта моя рука с мелком дрогнула, линия ушла вправо, закруглилась, и вместо строгой руны покоя (Вуньо) я с размаху впечатала в контур древнюю, сложную и абсолютно неуместную руну подчинения, которую мы проходили на прошлой неделе.

Осознание ошибки пришло одновременно с тем, как фиолетовое варево в котле начало булькать с частотой пулеметной очереди.

— Адептка Лисандра... — голос Блэквуда внезапно по-

терял всю свою ледяную невозмутимость. В нём появились нотки неподдельной тревоги. — Что вы начертили?!

— Я... я кажется, ошиблась! — пискнула я, пятясь от стола.

— Ложись! — рявкнул ректор.

Он рванул ко мне, схватил за плечи и с силой толкнул на пол, прикрывая собой. В тот же момент котёл издал звук, похожий на предсмертный крик кита, и взорвался.

БАБАХ!

Лабораторию сотрясло. Звон бьющегося стекла слился с визгом профессора Крампа, который, судя по звукам, рыбкой нырнул под свой стол. Нас накрыло плотным, густым и абсолютно непроглядным дымом.

В ушах звенело. Я лежала на холодном каменном полу, придавленная чем-то тяжёлым, тёплым и пахнущим морозным лесом. Блэквуд. Он действительно закрыл меня собой. Какая... самоотверженность.

Я робко открыла глаза. Дым начал рассеиваться и тут я поняла, что дым был... ярко-розовым. Он пах сладкой ватой, клубникой и, почему-то, маршмэллоу.

Ректор тяжело опёрся руками о пол по обе стороны от моего лица и приподнялся.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться в голос, хотя ситуация была патовой. Идеальный лорд Блэквуд был покрыт слоем сверкающей розовой пудры. Она искрилась на его черных волосах, осела на строгих скулах и даже припудрила

длинные ресницы. Он выглядел как очень злая фея-крестная-переросток.

Его глаза, обычно холодные как лёд, сейчас пылали адским пламенем. Он смотрел на меня так, что я поняла: отчисления не будет. Будет убийство. Прямо здесь.

— Вы. Бездарная. Катастрофа, — каждое слово он чеканил так, будто вколачивал гвозди в крышку моего гроба. — Вы хоть понимаете, что вы сейчас сделали?!

— Покрасили вас в цвет фуксии? — пискнула я, вжимаясь в пол. — Вам, кстати, идет... освежает.

— Молчать!!! — рявкнул он, резко поднимаясь на ноги и рывком вздергивая меня за шиворот мантии.

Крамп осторожно выглянул из-под стола. — Л-лорд-ректор... Вы целы? Боже правый, что это за магия?!

— Это смесь нестабильного валерианового зелья и руны подчинения! — Блэквуд потрянул меня так, что у меня клацнули зубы. Розовая пыльца облачком слетела с его плеч. — Она активировала древнее проклятие! Вы отчислены, Лисандра! Немедленно! Собирайте свои вещи! Я лично вышвырну вас за ворота академии прямо сейчас!

Ужас ледяной волной затопил меня с головой. Всё. Это конец. Тетушка Марта, кузен-бухгалтер, борщи до конца жизни. Моя мечта стать магом, моя свобода — всё рухнуло из-за одной кривой линии.

Слёзы обиды, злости и отчаяния подступили к горлу. Я посмотрела прямо в его сверкающие гневом глаза. Моя ма-

гия внутри вдруг взбунтовалась, заискрилась на кончиках пальцев, откликаясь на стресс.

— Нет! — крикнула я в отчаянии, не осознавая, что вкладываю в голос силу воли, усиленную тем самым розовым дымом, которым мы оба только что надышались. — Вы не можете меня отчислить! Вы не подпишете этот приказ! Вы поставите мне «отлично» и скажете, что я сдала! Пожалуйста, скажите, что вы этого не сделаете!

Мой голос сорвался на жалкий хрип. Я зажмурилась, ожидая, что сейчас в меня полетит боевой пульсар.

В лаборатории повисла звенящая, мертвая тишина. Секунда... Вторая... Третья.

Ничего не происходило. Я осторожно приоткрыла один глаз.

Дориан Блэквуд стоял столбом. Его руки, сжимавшие мою мантию, разжались. Я плюхнулась обратно на ноги и попятилась. Ректор смотрел на меня в упор, но что-то в его лице неуловимо изменилось. Гнев никуда не делся, он всё ещё плескался на дне зрачков, но сами зрачки вдруг неестественно расширились, а вокруг радужки на мгновение вспыхнул и погас золотистый ободок.

Его челюсти сжались так сильно, что желваки заходили ходуном. Было видно, что он борется с чем-то внутри себя. Борется отчаянно, яростно. На его лбу выступила испарина. Он открыл рот, чтобы сказать мне всё, что обо мне думает, но вместо этого...

— Хорошо, — выдавил он. Голос звучал так, словно он жевал стекло.

Мы с Крампом синхронно вздрогнули.

— Ч-что? — не поверила я своим ушам.

Ректор дёрнулся, словно марионетка, которую потянули за невидимые нити. Он деревянной, неестественной походкой подошел к столу Крампа, взял его перо, обмакнул в чернильницу и пододвинул к себе мою зачетку.

Его рука дрожала. Он сжимал перо так сильно, что оно трещало.

— Я... не буду... вас отчислять, — процедил он сквозь плотно сжатые зубы, выводя в графе «Трансмутации» размашистое «Отлично». — Вы... сдали.

Он захлопнул зачетку и отшвырнул её на край стола. После этого Блэквуд выпрямился, тяжело дыша, и уставился на свои руки с таким первобытным ужасом, словно они только что задушили младенца.

Крамп, который наполовину вылез из-под стола, так и застыл с открытым ртом.

— Л-лорд Блэквуд? Вы... вы поставили ей высший балл? Но она же взорвала котел! Она осквернила вашу мантию!

Ректор медленно повернул голову к профессору. Взгляд Блэквуда обещал медленную, мучительную смерть.

— Я в курсе, профессор.

Я стояла, прижав руки к груди, и боялась дышать. В моей голове медленно, со скрипом, начали складываться фрагменты пазла. Руна подчинения + зелье стабилизации эмоций + катализатор из страха и злости = проклятие «абсолютной покладистости». Мы проходили это на третьем курсе. Легендарная дрянь, которую не применяли уже лет триста, потому что она требует идеального совпадения эмоциональных всплесков и редчайших ингредиентов.

Он не хотел ставить мне оценку. Он хотел меня убить, но *не смог отказать моей просьбе.*

Осознание ударило меня по голове кувалдой, а затем медленно растеклось по венам сладким, пугающим восторгом. Самый страшный человек в академии. Жестокий тиран, педант и сноб. Мой личный ночной кошмар.

Он не может сказать мне «нет».

Я закусила губу, чувствуя, как внутри просыпается наглая, абсолютно безбашенная Лисандра, которая обычно дремала под гнетом учебников и страха отчисления.

Надо проверить. Ради науки, конечно же.

— Лорд-ректор? — позвала я, стараясь, чтобы голос звучал максимально невинно.

Он дернулся, как от удара хлыстом, и уставился на меня. Розовая пыльца на его волосах всё ещё искрилась, придавая ситуации сюрреалистичный оттенок.

— Чего вам нужно, адептка?

Я посмотрела на дорогой серебряный хронометр, висевший на его жилете на изящной цепочке. — Знаете, я так перенервничала... У меня стресс. А ваш хронометр такой красивый. Он бы меня успокоил. Вы не могли бы отдать его мне?

Крамп издал звук лопнувшего воздушного шарика и осел на пол. Это был родовой артефакт Блэквудов. Стоимостью как половина этой академии.

Глаза ректора округлились. В них читалась такая ярость, что, если бы взглядом можно было сжигать, от меня осталась бы только кучка пепла. Он попытался сказать «Нет». Я видела это. Его губы беззвучно артикулировали это слово, шея напряглась, на виске забились венки. Он боролся с проклятием с силой архимага.

Но магия была древнее и хитрее.

Его рука, словно живя собственной жизнью, медленно, дергано потянулась к жилету. Пальцы отстегнули карабин. Блэквуд смотрел на свои руки с выражением полнейшего шока. Шаг, другой. Он подошёл ко мне и, скрипя зубами так громко, что я испугалась за его эмаль, вложил тяжелый серебряный хронометр в мою раскрытую ладонь.

— Возьмите, — выдохнул он голосом серийного маньяка, которого заставили петь колыбельную. — Пользуйтесь. На Здоровье.

Хронометр был теплым. Он слабо пульсировал родовой магией. Я зажала его в кулаке, чувствуя, как на губах расплывается широкая, абсолютно неуместная и торжествую-

щая улыбка.

Святые угодники. Это работает.

— Спасибо, лорд Дориан, — промурлыкала я, смакуя каждое слово. — Вы сегодня просто сама доброта.

Он промолчал. Только сжал кулаки так, что костяшки побелели. Я поняла, что испытывать судьбу дальше пока не стоит, иначе у него случится магический инсульт.

Схватив зачетку со стола, я бочком направилась к выходу.

— Что ж, не буду вас больше задерживать! До свидания, профессор Крамп! Хорошего дня, лорд-ректор!

Я выскользнула за дверь, закрыла её за собой и привалилась спиной к прохладному дереву, тяжело дыша. В руке тикал хронометр Блэквуда. В зачетке стояло «Отлично», а в крови бушевал адреналин.

— Ну держись, академия, — прошептала я, и моя улыбка стала откровенно хищной. — Кажется, теперь правила буду устанавливать я.

Глава 2. Сила волшебного слова «Да»

Если бы кто-то утром сказал мне, что к полудню я буду обладать властью над самым опасным мужчиной в академии, я бы посоветовала этому доброжелателю провериться на наличие ментальных паразитов. Но реальность, обладающая весьма специфическим чувством юмора, преподнесла мне сюрприз в виде серебряного хронометра, который теперь уютно устроился в моем кармане, и ректора, чей ледяной авторитет только что дал трещину размером с Великий Каньон.

Я шла по коридору, едва сдерживаясь, чтобы не пуститься в пляс. В зачетке — «отлично», в руках — артефакт, в голове — такой туман из эйфории и вседозволенности, что сквозь него не пробился бы ни один голос разума. А ведь он пытался предупредить! Тоненький такой голосок где-то в подкорке пищал: «Лиса, остановись, он же тебя в порошок сотрет, как только это закончится!»

Но Лиса не слушала, Лиса хотела пиццы.

Столовая академии больше напоминала храм аскетизма. Длинные дубовые столы, каменные стены, на которых из украшений были только факелы, и полное отсутствие запаха нормальной человеческой еды. Эльфийский шеф-повар

Элронд свято верил, что магический разум должен питаться исключительно «серой жижей мудрости» — овсянкой на воде с добавлением пыльцы фей и какой-то горькой травы, от которой у адептов потом три дня чесались локти.

Когда я ворвалась в зал, там царила привычная атмосфера уныния. Сотни студентов в серых мантиях обреченноковыряли ложками в тарелках, мечтая о жареном кабане или хотя бы о засохшей корке хлеба с солью.

И тут вошел он.

Лорд Дориан Блэквуд сменил испачканный в розовой пудре сюртук на новый — такой же безупречно черный, наглухо застегнутый на все пуговицы. Его лицо напоминало погасшую маску великого инквизитора: бледное, застывшее, с плотно сжатыми губами. Розовой пыли больше не было, но, клянусь, аура вокруг него искрилась так, что волосы на затылке вставали дыбом.

Он шел к своему высокому столу на подиуме, и адепты инстинктивно вжимали головы в плечи. Блэквуд сел в свое кресло, напоминающее трон, и окинул зал взглядом, в котором читалось желание немедленно всех казнить.

Я глубоко вдохнула. Наглость — мое второе имя. Первое — Неприятность, а фамилия — Катастрофа.

— Лорд-ректор! — мой голос прозвенел под сводами столовой, заставив пару десятков ложек звякнуть о дно тарелок.

Блэквуд замер. Его пальцы, сжимавшие край стола, заметно побелели. Он медленно повернул голову в мою сторону.

Если бы взглядом можно было возводить крепостные стены, я бы сейчас была замурована в гранит по самую макушку.

— Адептка Лисандра, — выдохнул он. Имя прозвучало как смертный приговор. — Вы всё ещё здесь? Я полагал, вы заняты... празднованием сданного зачёта.

— О, всё ещё впереди! — я смело зашагала к его столу, чувствуя на себе сотни недоуменных взглядов. — Но знаете, учеба на пустой желудок идет плохо, а эта ваша овсянка... она оскорбляет мои эстетические чувства.

Блэквуд прищурился. В его глазах вспыхнул опасный огонек. Он понял, к чему я клоню. Его челюсть сжалась так, что я услышала явственный скрип.

— И что же вы предлагаете? — процедил он. Каждое слово давалось ему с трудом. Магия проклятия уже начала свою работу, принуждая его вступать в диалог, вместо того чтобы просто вышвырнуть меня вон.

Я остановилась прямо перед ним, оперлась руками о край его стола и выдала свою самую лучезарную улыбку.

— Я предлагаю реформу питания! Сегодня — день великих свершений. Дориан... лорд Блэквуд, вы ведь такой заботливый руководитель. Прикажите немедленно заменить это серое недоразумение в тарелках на горячую пищу с двойным сыром. И... — я сделала эффектную паузу, — на хорошее, холодное, пенистое пиво. Для всех адептов старше восемнадцати!

В столовой наступила такая тишина, что было слышно, как в углу паук плетет паутину. Адепты замерли. Элронд выронил половник.

Ректор медленно поднялся. Его рост всегда внушал трепет, но сейчас он казался выше обычного. Темная магия клубилась вокруг его пальцев.

— Пицца? — его голос был тихим, вибрирующим от ярости. — Пиво? В учебном заведении высшего порядка? Вы в своем уме, девчонка?

— Абсолютно, — я не отвела взгляда. — Вы ведь не хотите сказать мне «нет»? Вы ведь понимаете, как это важно для боевого духа студентов? Ну же, лорд Блэквуд. Скажите: «Да, Лисандра, это отличная идея. Элронд, приступай».

Это была настоящая пытка. Я видела, как он сражается. Его правый глаз начал мелко дергаться — тот самый признак, который предвещал бурю. На лбу выступила капля пота. Внутреннее сопротивление архимага было колоссальным, но древняя руна подчинения, запитанная на мою собственную безумную волю и энергию взрыва, была неумолима.

Блэквуд вдруг шумно выдохнул, словно из него выпустили воздух. Его плечи чуть опустились, а взгляд стал каким-то обреченным.

— Да... — выдавил он, и это слово прозвучало как стон раненого зверя. — Лисандра... это... отличная идея.

Зал ахнул. Кто-то свалился со скамьи.

— Элронд! — Блэквуд повернулся к повару, который выглядел так, будто увидел конец света. — Немедленно... приготовьте пищу. И достаньте из подвалов бочки с темным элем. Это приказ.

— Но, лорд-ректор! — взвизгнул эльф. — У нас только экологически чистая репа и...

— ПИЦЦУ! — взревел Блэквуд, выплескивая накопившуюся ярость на бедного повара.

Столовая взорвалась криками восторга. Студенты вскочили с мест, оглашая своды радостным рёвом. Никто не понимал, что произошло с суровым ректором, но всем было плевать. Пицца была реальностью, а Блэквуд — внезапным героем дня.

Я же стояла и наслаждалась триумфом. Ректор посмотрел на меня. В его взгляде было обещание долгой, изощренной и очень болезненной расправы в будущем. Но это будет потом, а сейчас...

— И ещё одно, — добавила я, входя во вкус.

Блэквуд схватился за сердце.

— Что ещё, маленькое чудовище?

— Сессия. Она так давит на психику. Все эти зачёты, экзамены... Лорд-ректор, подпишите указ об отмене экзаменационной недели для четвёртого курса. Мы ведь и так всё знаем, правда? Просто поставьте всем «автомат». Вы ведь не откажете в такой мелочи?

— Лисандра... — прохрипел он, хватаясь за край стола так, что дерево жалобно треснуло. — Вы разрушаете... систему образования... всей империи...

— Система переживет, а мы — не факт. Ну же, скажите «да».

Он закрыл глаза. Его лицо исказилось в гримасе боли. На мгновение мне даже стало его жалко — совсем чуть-чуть, но потом я вспомнила, как он завалил мой зачет по некромантии в прошлом месяце только потому, что мой скелет сплясал чечетку вместо того, чтобы чистить ров, и жалость испарилась.

— Я... подпишу... указ, — прошептал он. — Все зачёты... будут поставлены.

Что тут началось! Если бы в академии были крыши, их бы снесло звуковой волной. Четвертый курс бросился качать ректора. Блэквуд, сохраняя лицо каменного изваяния, позволял себя подбрасывать, хотя я видела, что в полете он прикидывает траекторию файерболла, который уничтожит нас всех, как только действие проклятия ослабнет.

Весь день прошел как в тумане. Я чувствовала себя богиней. Ко мне подходили старшекурсники, пожимали руки, предлагали лучшие куски пиццы. Даже самые заносчивые девицы с факультета стихийной магии смотрели на меня с уважением и легким страхом. Я — та, кто приручила Блэквуда.

К вечеру эйфория достигла пика. Мои подруги — Мира

и рыжая заноза Кэтрин — уже вовсю собирались в город.

— Лиса, ты идешь? В «Пьяном драконе» сегодня лучшая вечеринка года! С учетом того, что завтра нет экзамена по демонологии, мы будем гулять до рассвета!

— Конечно, иду! — я подмигнула им, натягивая свое самое эффектное платье — темно-изумрудное, с опасным разрезом и открытыми плечами. — Только надену туфли и...

Я схватила свою сумочку, в которой лежал трофейный хронометр, и направилась к выходу из общежития.

Но стоило мне дойти до главных ворот академии, как мир внезапно перевернулся.

Сначала в груди возникло странное чувство холода, словно я проглотила кусок льда. Затем этот холод сменился резкой, обжигающей болью в районе солнечного сплетения. Как-то невидимая цепь, прикованная к моим ребрам, внезапно натянулась.

— Ой... — выдохнула я, хватаясь за кованую решетку ворот.

— Лиса? Ты чего? — Кэтрин обернулась. — Перебрала с пивом?

— Нет... я... — я попыталась сделать еще один шаг за территорию академии, но боль стала невыносимой. Словно тысячи раскаленных игл вонзились в кожу.

Мои ноги подкосились. Я рухнула на колени прямо в пыль дорожки. Перед глазами поплыли черные круги. Дышать ста-

ло трудно, каждый вдох отдавался судорогой.

— Лиса! — подруги подскочили ко мне. — Тебе плохо? Позвать целителя?

— Не надо... целителя... — прохрипела я.

Через пелену боли я слышала размеренные, тяжелые шаги. Они были знакомы мне до дрожи в костях. Хруст гравия под дорогими сапогами. Холод, исходящий от приближающегося человека, перекрыл вечернюю жару.

— Она не перебрала с пивом, адептки, — раздался над моей головой голос Блэквуда. В нём больше не было обреченности. В нём звучало мрачное, торжествующее удовлетворение. — Она просто забыла о технике безопасности при работе с древними проклятиями.

Я подняла голову. Ректор стоял надо мной, возвышаясь как чёрная башня на фоне закатного неба. Он выглядел... лучше. Больше не дергался глаз, не дрожали руки. Он снова был хозяином положения.

— Что... что происходит? — выдавила я, корчась от очередного приступа боли.

— Происходит откат, Лисандра, — Блэквуд наклонился ко мне. Его лицо было совсем близко, и я увидела в его глазах холодный блеск. — Вы применили парное проклятие. Абсолютная Покладистость связывает не только жертву, но и инициатора. Мы теперь — две стороны одной медали. Одна душа, одно пространство.

Он протянул руку и бесцеремонно взял меня за подборо-

док, заставляя смотреть на него.

— Радиус вашего удаления от меня — пятьдесят метров. Сделаете шаг дальше — и ваша магия начнет выжигать вас изнутри, а моя — начнет разрушать всё вокруг. Если вы сейчас же не вернетесь в здание, ворота академии просто расплавятся, а ваши подруги рискуют попасть под стихийный выброс.

Кэтрин и Мира синхронно отпрыгнули назад.

— Лиса... мы, пожалуй, пойдём, — пролепетала Мира. — Развлекайся тут... с ректором.

Подруги смылись с быстротой испуганных кроликов. Я осталась одна на коленях перед человеком, которого весь день унижала перед всей академией.

— Пятьдесят метров? — прошептала я. Боль чуть утихла, когда Блэквуд оказался рядом, но не исчезла совсем. — Вы шутите?

— Я похож на человека, который шутит? — он рывком поднял меня на ноги. Его хватка была железной. — Вы хотели, чтобы я всегда говорил вам «да»? Что ж, поздравляю. Теперь вы будете рядом со мной круглосуточно, чтобы проверять это лично. Каждую минуту. Каждый час.

— Но... как же... — я попыталась высвободиться, но силы покинули меня.

— Идемте, адептка Лисандра. Нам предстоит долгая ночь... в моих покоях. Нам нужно обсудить ваши планы на

завтра. И, клянусь, завтра вы будете просить меня только об одном: чтобы я разрешил вам просто поспать пять минут.

Он потащил меня за собой к главному корпусу. Я шла, спотыкаясь, чувствуя, как боль уходит, сменяясь глухим осознанием катастрофы.

Богиня пиццы и пива была низложена.

— Лорд-ректор? — позвала я тихим, жалобным голосом.

— Чего вам? — буркнул он, не замедляя шага.

— А вы... вы ведь не заставите меня спать на коврик у двери?

Блэквуд остановился, медленно повернулся ко мне и на его губах впервые за весь день появилась настоящая, невыразимо зловещая улыбка.

— О нет, Лисандра. Коврик — это слишком милосердно для вас. Вы будете спать там, где я смогу лично контролировать каждый ваш вздох. И помните... хоть я всё ещё не могу сказать вам «нет», но я могу сделать так, чтобы вы сами больше никогда не захотели ничего просить.

Я сглотнула. Кажется, пришло время признать: пицца того не стоила. Совсем не стоила.

Глава 3. Добро пожаловать в логово сухаря

Путь до ректорской башни напоминал конвоирование особо опасного преступника к месту казни. С той лишь разницей, что преступник периодически спотыкался о подол собственного платья, а палач шел впереди с такой идеально прямой спиной, что о нее можно было точить мечи.

Магическая привязь — та самая невидимая цепь, сковавшая нас проклятием, — ощущалась как легкое покалывание в районе солнечного сплетения, стоило мне отстать больше чем на десять шагов. Если я ускоряла шаг и приближалась к его широкой спине — покалывание исчезало, сменяясь странным, будоражащим чувством чужого тепла.

Мы поднялись по винтовой лестнице на самый верхний уровень южной башни. Здесь не было портретов бывших ректоров или пафосных рыцарских доспехов, как в остальной академии. Только голый темный камень, факелы с холодным синим пламенем и тишина, от которой звенело в ушах.

Блэквуд остановился перед массивной дверью из черного дерева, испещренной защитными рунами.

— Запомните два правила, адептка Лисандра, — произнес он, не оборачиваясь. Его голос звучал глухо и зловеще в гулкой тишине коридора. — Правило первое: ничего не тро-

гать. Мои вещи зачарованы, и если вас превратит в пепел моя любимая чернильница, я не буду писать вашим родственникам соболезнования.

— Какая забота о моей семье, — пробормотала я. — А второе?

— Правило второе: не дышать слишком громко. Ваше существование и так оскорбляет мою потребность в тишине.

Двери бесшумно распахнулись, выпуская нас внутрь. Я осторожно шагнула через порог и огляделась.

Ну что сказать... Если у депрессии, педантизма и снобизма когда-нибудь родится общий ребенок, он вырастет и спроектирует именно эти апартаменты. Логово ректора представляло собой огромную, двухуровневую студию, выполненную в оттенках черного, темно-серого и серебряного. Окна от пола до потолка открывали вид на ночной город, но тяжелые бархатные портьеры были готовы в любой момент отрезать этот мир от дневного света.

Повсюду царил маниакальный, стерильный порядок. Книжки на полках стояли по росту и алфавиту. Корешок к корешку. Ни одной пылинки на полированном черном дубе огромного письменного стола. На каминной полке — никаких милых безделушек, только пара старинных артефактов, выглядящих так, словно они питаются душами нерадивых студентов.

— Как здесь... живенько, — поежилась я. — Лорд Блэквуд, признайтесь, вы ведь вампир? Спите в гробу, пьете

кровь девственниц? Хотя насчет девственниц не уверена, в нашей академии их сложнее найти, чем философский камень.

Он проигнорировал мою шпильку, пройдя к центру комнаты и стягивая с себя перчатки.

— Ваши вещи, — сухо констатировал он. — Вы не можете спуститься в общежитие из-за радиуса привязки. Следовательно, мне придется перенести их сюда. Назовите номер вашей комнаты.

— Триста тринадцатая, южное крыло. Третья кровать от окна.

Блэквуд воздел руки. Его пальцы сплели сложный узор пространственного переноса. Воздух в центре его идеальной гостиной пошел рябью, засветился фиолетовым, и с громким хлопком портал выплюнул на безупречный персидский ковер... мою жизнь.

Я прикрыла лицо рукой.

Если бы в этот момент разверзлась бездна и поглотила меня, я была бы ей благодарна. Потому что контраст между строгим готическим логовом ректора и горой моего барахла был поистине катастрофическим.

Прямо на ковер рухнул мой старый чемодан, изрыгнув из себя недра моего гардероба. Сверху шлепнулись три гигантские, пушистые неоновро-розовые подушки в форме сердец. Рядом с мелодичным звоном приземлилась коробка с кон-

трабандными искрящимися зельями, пара чулков в легкомысленную сеточку, банка с маринованными щупальцами, и, как вишенка на торте, стопка любовных романов в мягкой обложке.

Самый верхний фолиант приземлился аккурат к ногам ректора. С обложки на Блэквуда страстно смотрел полуголый мускулистый орк, сжимающий в объятиях томную блондинку. Золотые буквы гласили: «Принцесса Арабелла и дикие орки: Жесткое подчинение».

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим бульканьем щупалец в банке.

Блэквуд медленно, очень медленно опустил взгляд на обложку романа. Затем посмотрел на розовые подушки. Затем — на чулок, повисший на подлокотнике его антикварного кресла.

Лицо архимага выражало такую степень брезгливого ужаса, будто портал выплюнул ему на ковер стаю чумных крыс.

— Что это за свалка? — произнес он, и от его тона температура в комнате упала на пару градусов.

— Это мои личные вещи! — возмутилась я, кидаясь собирать белье, пока он не разглядел его во всех подробностях. — И вообще, не смотрите на мои книги!

— Я бы предпочел ослепнуть, чем смотреть на это, — Блэквуд брезгливо подцепил роман про орков магическим левитационным лучом и отбросил его в общую кучу. — Адепт-ка Лисандра, что это за биомасса в банке?

— Это Игнатий. Мой питомец-симбионт. Он питается негативными эмоциями, — я похлопала по стеклу. Щупальце внутри радостно дернулось. — Думаю, в вашей компании Игнатий растолстеет до размеров кракена. У вас тут такая роскошная кормовая база.

Ректор закрыл глаза и глубоко вздохнул, массируя переносицу. Казалось, он считает до десяти... или до ста.

— Уберите это всё. Немедленно. Вон туда, — он указал на темный угол комнаты. — Чтобы я этого не видел. Иначе я сожгу это вместе с вами.

Я пожалала плечами, сгребла вещи в охапку и перетаскала их в угол, попутно водрузив розовую пушистую подушку на строгий кожаный стул. Комната сразу как-то... ожила. Появился легкий налет безумия, который так идет суровым интерьерам.

Пока я возилась с вещами, Блэквуд скинул сюртук, оставшись в одной белоснежной рубашке, расстегнул верхние пуговицы и устало опустился в кресло.

Я закончила раскопки чемодана и огляделась в поисках места для ночлега.

Апартаменты были огромными, но вот проблема: кровать здесь была всего одна. Зато какая! Она возвышалась на небольшом подиуме в глубине комнаты. Огромная, из черного дерева, с резными столбиками и балдахином из плотного темного шелка. Застелена она была идеально гладким бельем цвета грозового неба. На ней с комфортом могла

бы разместиться рота эльфов, ну или один очень высокий и вредный ректор.

Альтернативой кровати служил диван в гостиной зоне. Кожанный, жесткий и прямоугольный. Он выглядел так, словно на нем инквизиция допрашивала еретиков, чтобы те быстрее во всем признавались от боли в пояснице.

Я перевела взгляд с дивана на кровать. Потом на Блэквуда. Он поймал мой взгляд, и его спина мгновенно напряглась.

— Даже не думайте об этом, — процедил он, читая мои мысли. — Вы спите на диване. Радуйтесь, что я не заставил вас левитировать в углу всю ночь.

Я подошла к дивану, потрогала жесткую, как древесная кора, кожу и театрально вздохнула.

— Лорд-ректор, ну посмотрите на него. Это же не диван, это орудие пыток. У меня, между прочим, сколиоз от таскания тяжелых фолиантов в библиотеке!

— Ваша медицинская карта — немоя проблема. Вы притащили сюда свои подушки-мутанты, вот на них и спите.

Я хитро прищурилась. Ну нет, Дориан Блэквуд, так дело не пойдет. Я, может, и худшая студентка на потоке, но я быстро учусь, особенно когда дело касается личного комфорта.

Я медленно подошла к креслу, в котором он сидел. Блэквуд напрягся, как хищник перед прыжком. Я оперлась руками о подлокотники, склонившись к нему. От него пахло мо-

розной свежестью, хвоей и едва уловимым мужским парфюмом, от которого у меня на мгновение сбилось дыхание, но я взяла себя в руки.

— Лорд Блэквуд, — мурлыкнула я, заглядывая в его ледяные глаза. — Вы ведь аристократ до мозга костей. Истинный джентльмен. Защитник слабых и уставших студенток. Вы же не позволите хрупкой, измученной девушке мучиться на этом кожаном ужасе, пока сами будете нежиться на перинах?

Его зрачки расширились. Он понял, что я делаю.

— Лисандра, прекратите, — хрипло предупредил он. — Вы играете с огнем.

— Я просто прошу о маленьком одолжении, — я хлопнула ресницами, вкладывая в голос всю ту власть, которую давало проклятие. Моя магия сплелась с руной, засияла в ауре. — Лорд Блэквуд, уступите мне свою кровать. Вы ведь согласны, что я должна спать именно там? Ответьте, да или нет?

Началась битва титанов. Блэквуд вцепился пальцами в подлокотники кресла с такой силой, что кожа угрожающе затрещала. Его грудь тяжело вздымалась. Он открыл рот, чтобы сказать «нет», но проклятие не позволяло. Это было похоже на то, как человек пытается идти против ураганного ветра. Вены на его шее вздулись, глаза пылали от бессильной ярости.

— Я... не... — выдавил он, сопротивляясь каждому звуку.

Я не отступала, продолжая смотреть ему в глаза. Это была игра на грани фола, но кровать манила своей мягкостью.

— Вы согласны? — повторила я с нажимом.

Воздух в комнате заискрил от магии. Где-то на полке лопнула хрустальная чернильница. Блэквуд зарычал — тихо, по-звериному, и вдруг его сопротивление сломалось. Руна подчинения заставила его челюсти разомкнуться.

— Д-да, — выплюнул он это слово так, словно оно было отравлено. — Вы... спите... на кровати.

Я победно улыбнулась и отстранилась от него.

— Какое благородство, лорд-ректор! Я знала, что за этой ледяной коркой скрывается золотое сердце. Спокойной ночи!

Не дожидаясь, пока он придет в себя и попытается убить меня взглядом, я подхватила одну из розовых подушек, свою пижаму с единорогами и помчалась в примыкающую к спальне ванную комнату.

Ванная, к слову, тоже была произведением готического искусства. Черный мрамор, серебряная фурнитура и зеркало в пол. Я быстро переоделась, смыла макияж и почистила зубы, гадая, не подсыпал ли ректор мне яд в зубной порошок.

Когда я вышла обратно в комнату, свет магических светильников был уже приглушен.

Блэквуд стоял возле дивана в темных спальнях штанах и расстегнутой на груди рубашке. В руках он держал тонкий

плед и свирепо смотрел на кожаное сиденье, словно прикидывая, какое заклинание поможет ему его уничтожить.

— Выглядит уютно, — не удержалась я от комментария, забираясь на высокий подиум кровати.

Шелковые простыни были прохладными, мягкими и пахли им. Боже, как они пахли. Я зарылась лицом в его огромную подушку и едва не застонала от удовольствия. После продавленного матраса в общежитии это было просто облако.

Блэквуд бросил на меня взгляд, способный заморозить ад.

— Если вы пророните еще хоть слово, адептка, я найду способ заткнуть вас, не нарушая проклятия.

Он резко лег на диван. Точнее, попытался лечь. При его росте под метр девяносто задача оказалась невыполнимой. Его ноги свешивались за подлокотник, а плечи упирались в жесткую спинку. Он злобно согнул колени, пытаясь свернуться в позу эмбриона, натянул на себя плед и замер.

Диван скрипнул. Через секунду — еще раз. Потом раздался тяжелый, полный вселенской скорби мужской вздох.

Я лежала на роскошной кровати, утопая в подушках, и смотрела в темный потолок с балдахином. В комнате было темно, только из окна падал тусклый лунный свет, освещая изломанную фигуру грозного ректора на маленьком диванчике.

Мне вдруг стало немного стыдно, совсем чуть-чуть. Но

потом я вспомнила, как он заставил меня переписывать эссе по ядам восемь раз, потому что ему «не понравился наклон моего почерка». Стыд тут же испарился.

— Лорд Блэквуд? — позвала я в темноту шепотом.

С дивана донесся угрожающий скрип кожи.

— Спите, Лисандра.

— А я хотела сказать спасибо, — совершенно искренне произнесла я, подтягивая простыню к подбородку. — Кровать потрясающая.

Молчание стало мне ответом, но где-то через минуту, когда я уже начала проваливаться в сон, из темного угла гостиной донесся тихий, глубокий голос. В нем не было магии подчинения, только усталость и обещание неизбежной расплаты.

— Наслаждайтесь, Лисандра. Потому что когда я найду способ снять это проклятие... вы будете спать на полу в библиотеке. Рядом со стеллажами по высшим трансмутациям. И я лично прослежу, чтобы вы выучили их наизусть.

— Спокойной ночи, Дориан, — дерзко отозвалась я, впервые назвав его по имени, и отвернулась к стене.

Диван снова злобно заскрипел. Я улыбнулась в подушку. Кажется, этот семестр будет самым интересным в моей жизни.

Глава 4. Ассистент-недоучка

Утро в покоях ректора началось с отчетливого, полного экзистенциальной тоски хруста.

Я сладко по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.